

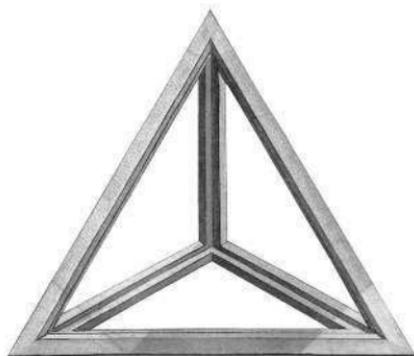
В Л А Д И М И Р

МАКАНИН

В Л А Д И М И Р

МАКАНИН

Ночь... Занятая...
Ночь...

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
М15

Оформление серии — *Петр Петров*

Издательство выражает благодарность
Наталье Саниной за помощь в приобретении прав

Маканин, Владимир Семенович.
М15 Ночь... Запятая... Ночь... / Владимир Маканин. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Проза
современного классика Владимира Маканина).

ISBN 978-5-04-091687-0

«Ночь... Запятая... Ночь...» — сборник повестей и рассказов, написанных в разные годы, — позволяет взглянуть на В.С. Маканина как на писателя, идущего вразрез со всеми: с шестидесятниками, деревенщиками, авторами городской прозы. Он ни на кого не похож, ото всех «отставший», отдельный от всех («Отставший»). Его волнуют такие проблемы, которые и осознаваться начинают нами как проблемы только после того, как Маканин их обозначает: о губительности состояния «промежутка», когда человек не может сделать выбор («Утрата»), о неспособности красоты спасти мир от войны и жестокости («Кавказский пленный»), о неотделенности человека от зла («Последний лагерь»).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091687-0

© Маканин В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2018

Кавказский пленный

Рассказ

1

Солдаты, скорее всего, не знали про то, что *красота спасет мир*, но что такое красота, оба они, в общем, знали. Среди гор они чувствовали красоту (красоту местности) слишком хорошо — она пугала. Из горной теснины выпрыгнул вдруг ручей. Еще более насторожила обоих открытая поляна, окрашенная солнцем до ослепляющей желтизны. Рубахин шел первым, более опытный. Залитое солнцем пространство напомнило Рубахину о счастливом детстве (которого не было). Особняком стояли над травой гордые южные деревья (он не знал их названий). Но более всего волновала равнинную душу эта высокая трава, дышавшая под несильным ветром.

— Стой-ка, Вов. Не спеши, — предупреждает негромко Рубахин.

Быть на незнакомом открытом месте — все равно что быть на мушке. И прежде чем выйти из густого кустарника, Вовка-стрелок вскидывает свой карабин и с особой медлительностью ведет им слева направо, используя оптический прицел как бинокль. Он затаил дыхание. Он оглядывает столь щедрое солнцем пространство. Он замечает у бугра маленький транзисторный приемник.

— Ага! — восклицает шепотом Вовка-стрелок. (Бугор сух. Приемничек сверкнул на солнце стеклом.)

Короткими перебежками оба солдата в пятнистых гимнастерках добираются до вырытой наполовину (и давно заброшенной) траншеи газопровода — до рыжего, в осенних красках бугра.

Они повертели в руках: они уже узнали приемничек. Ефрейтор Боярков, напившись, любил уединиться, лежа где-нибудь в обнимку с этим стареньким транзистором. Раздвигая высокую траву, они ищут тело. Находят неподалеку. Тело Бояркова привалено двумя камнями. Обрел смерть. (Стреляли в упор — он, похоже, и глаза свои пьяные не успел протереть. Впалые щеки. В части решили, что он в бегах.) Документов никаких. Надо сообщать. Но почему боевики не взяли транзистор? Потому что улика? Нет. А потому, что слишком он старенький и дребезжащий. Не вещь.

Необратимость случившегося (смерть — один из ясных случаев необратимости) торопит и против воли подгоняет: делает обоих солдат суетными. Орудую плоскими камнями как лопатами, они энергично и быстро закапывают убитого. Так же наскоро слепив над ним холмик земли (приметный насыпной холм), солдаты идут дальше.

И вновь — на самом выходе из теснины — высокая трава. Ничуть не пожухла. Тихо колышется. И так радостно перекликаются в небе (над деревьями, над обоими солдатами) птицы. Возможно, в этом смысле красота и спасает мир. Она нет-нет и появляется, как знак. Не давая человеку сойти с пути. (Шагая от него неподалеку. С присмотром.) Заставляя насторожиться, красота заставляет помнить.

Но на этот раз открытое солнечное место оказывается знакомым и неопасным. Горы расступаются. Впереди ровный путь, чуть дальше наезженная машинами пыльная развилка, а там — и воинская часть. Солдаты невольно прибавляют шагу.

Подполковник Гуров, однако, не в части, а у себя дома. Надо идти. Не передохнув и минуты, солдаты топают туда, где живет подполковник, всесильный в этом месте, а также во всех примыкающих (красивых и таких солнечных) местах земли. Живет он с женой в хорошем деревенском доме, с верандой для отдыха, увитой виноградом; при доме есть и хозяйство. Время жаркое — полдень. На открытой веранде подполковник Гуров и его гость Алибеков; разморенные обедом, они дремлют в легких плетеных креслах в ожидании чая. Рубахин докладывает, запинаясь и несколько робея.

Гуров сонно смотрит на них обоих, таких пропыленных (пришедших к нему незвано и — что тоже не в пользу — совсем незнакомых ему своими лицами); на миг Гуров молодеет: резко повысив голос, он выкрикивает — никакой подмоги кому бы то ни было, какая, к чертям, подмога! — ему даже смешно слушать, чтобы он направил куда-то своих солдат выручать грузовики, которые по собственной дурости *влипли* в ущелье!..

Больше того: он их так не отпустит. Рассерженный, он велит обоим солдатам заняться песком: пусть-ка они честно потрутся — помогут во дворе. Кррругом — аррш! И чтоб разбросали ту гору песка у въезда. И чтоб песок по всем дорожкам! — к дому и к огороду — грязь всюду, мать ее перемать, не пройдешь!.. Жена подполковника, как и все хозяйки на свете, рада дармовым солдатским рукам. Анна Федоровна, с засученными рукавами, в грязных разбитых мужских ботинках, тут же и появляется на огороде с радостными кликами: пусть, пусть еще и с грядками ей помогут!..

Солдаты развозят песок на тачках. Разбрасывают его, сеют лопатами по дорожкам. Жара. А песок сырой, брали, видно, у реки.

Вовка водрузил на кучу песка транзистор убитого ефрейтора, нашел поддерживающую дух ритмичную музыку. (Но негромко. Для своего же блага. Чтоб не помешать Гурову и Алибекову, разговаривающим на веранде. Алибеков, судя по доносящимся тягучим его словам, выторговывает оружие — дело важное.)

Транзистор на песчаном бугре еще раз напоминает Рубахину, какое красивое место выбрал себе Боярков на погибель. Пьяненький дурак, он в лесу спать побоялся, на полянку вышел. Еще и к бугру. Когда боевики набегали, Боярков толкнул свой приемничек в сторону (своего верного дружка), чтобы тот сполз с бугра в траву. Боялся, что отнимут, — мол, сам как-нибудь, а его не отдам. Едва ли! Заснул он пьяный, а приемник по просту выпал у него из рук и, съехав на чуть, скатился по склону.

Убили в упор. Молодые. Из тех, что хотят поскорее убить первого, чтобы войти во вкус. Пусть даже сонного. Приемник стоял теперь на куче песка, а Рубахин видел тот залитый солнцем рыжий бугор, с двумя цепкими кустами на северном склоне. Красота места поразила, и Рубахин — памятью — не отпускает (и все больше вбирает в себя) склон, где уснул Боярков, тот бугор, траву, золотую листву кустов, а с ними еще один опыт выживания, который ничем незаменим. Красота постоянна в своей попытке спасти. Она окликнет человека в его памяти. Она напомнит.

Сначала они разгоняли тачки по вязкой земле, потом догадались: покидали по дорожкам доски. Первым шустро катит тачку Вовка, за ним, нагрузив горой, толкает свою огромную тачку Рубахин. Он разделся до пояса, поблескивая на солнце мощным и мокрым от пота телом.

2

— Даю десять «Калашниковых». Даю пять ящичков патронов. Ты слышал, Алибек, — не три, а пять ящичков.

— Слышал.

— Но чтоб к первому числу провиант...

— Я, Петрович, после обеда немного сплю. Ты тоже, как я знаю. Не забыла ли Анна Федоровна наш чай?

— Не забыла. За чай не волнуйся.

— Как не волноваться! — смеется гость. — Чай — это тебе не война, чай остывает.

Гуров и Алибеков помалу возобновляют свой некончающийся разговор. Но вялость слов (как и некоторая ленивость их спора) обманчива — Алибеков прибыл за оружием, а Гурову, его офицерам и солдатам, позарез нужен провиант, прокорм. Обменный фонд, конечно, оружие; иногда бензин.

— Харч чтобы к первому числу. И чтоб без этих дурацких засад в горах. Вино не обязательно. Но хоть сколько-то водки.

— Водки нет.

— Ищи, ищи, Алибек. Я же ищу тебе патроны!

Подполковник зовет жену: как там чай? ах, какой будет сию минуту отменный крепкий чай! — Аня, как же так? ты кричала нам с грядок, что уже заварила!

В ожидании чая оба неспешно, с послеобеденной ленцой закуривают. Дым так же лениво переползает с прохладной веранды на виноград и — пластами — тянется в сторону огорода.

Сделав Рубахину знак: мол, попытаюсь добыть выпивки (раз уж здесь застряли), стрелок отходит шаг за шагом к плетеному забору. (У Вовки всегда хитрые знаки и жесты.) За плетнем молодая женщина с ребенком, и Вовка-стрелок тотчас с ней перемигивается. Вот

он перепрыгнул плетень и вступает с ней в разговор. Молодец! А Рубахин знай толкает тачку с песком. Кому что. Вовка из тех бойких солдат, кто не выносит вяло-текущей работы. (И всякой другой работы тоже.)

И надо же: поладили! Удивительно, как сразу эта молодуха идет навстречу — словно бы только и ждала солдата, который ласково с ней заговорит. Впрочем, Вовка симпатичный, улыбчивый и где на лишнюю секунду задержится — пустит корешки.

Вовка ее обнимает, она бьет его по рукам. Дело обыкновенное. Они на виду, и Вовка понимает, что надо бы завлечь ее в глубь избы. Он уговаривает, пробует с силой тянуть за руку. Молодуха упирается: «А вот и нету!» — смеется. Но за шагом шаг они смещаются оба в сторону избы, к приоткрытой там из-за жары двери. И вот они там. А малыш, неподалеку от двери, продолжает играть с кошкой.

Рубахин тем временем с тачкой. Где не проехать, он, перебрав с прежних мест, вновь выложил доски в нитку — он осторожно вел по ним колесо, удерживая на весу тяжесть песка.

Подполковник Гуров продолжает неторопливый торг с Алибековым, жена (она вымыла руки, надела красную блузку) подала им чай, каждому свой — два по-восточному изящных заварных чайника.

— Хорошо заваривает, умеет! — хвалит Алибеков.

Гуров:

— И чего ты упрямисься, Алибек!.. Ты ж, если со стороны глянуть, пленный. Все ж таки не забывай, где ты находишься. Ты у меня сидишь.

— Это почему же я — у тебя?

— Да хоть бы потому, что долины здесь наши.

— Долины ваши — горы наши.

Алибеков смеется:

— Шутишь, Петрович. Какой я пленный... Это ты здесь пленный! — Смеясь, он показывает на Рубахина, с рвением катящего тачку: — Он пленный. Ты пленный. И вообще каждый твой солдат — пленный!

Смеется:

— А я как раз не пленный.

И опять за свое:

— Двенадцать «калашей». И семь ящичков патронов. Теперь смеется Гуров:

— Двенадцать, ха-ха!.. Что за цифра такая — двенадцать? Откуда ты берешь такие цифры?.. Я понимаю — десять; цифра как цифра, запомнить можно. Значит, стволов — десять!

— Двенадцать.

— Десять...

Алибеков восхищенно вздыхает:

— Вечер какой сегодня будет! Ц-ц!

— До вечера еще далеко.

Они медленно пьют чай. Неторопливый разговор двух давно знающих и уважающих друг друга людей. (Рубахин катит очередную тачку. Накрывает ее. Ссыпает песок. Разбрасывая песок лопатой, ровняет с землей.)

— Знаешь, Петрович, что старики наши говорят? В поселках и аулах у нас умные старики.

— Что ж они говорят?

— А говорят они — поход на Европу пора делать. Пора опять идти туда.

— Хватил, Алибек. Евро-опа!..

— А что? Европа и есть Европа. Старики говорят, не так далеко. Старики недовольны. Старики говорят, куда русские, туда и мы — и чего мы друг в дружку стреляем?

— Вот ты и спроси своих кунаков — чего?! — сердито вскрикивает Гуров.

— О-о-о, обиделся. Чай пьем — душой добреем...

Какое-то время они молчат. Алибеков снова рассуждает, неторопливо подливая из чайника в чашку:

— ...не так уж она далеко. Время от времени ходить в Европу надо. Старики говорят, что сразу у нас мир станет. И жизнь как жизнь станет.

— Когда еще станет. Жди!

Гуров вздыхает:

— Вечер и правда будет чудный сегодня. Это ты прав.

— А я всегда прав, Петрович. Ладно, десять «калашей», согласен. А патронов — семь ящиков...

— Опять за свое. Откуда ты берешь такие цифры — нет такой цифры семь!

Хозяйка несет (в двух белых кастрюлях) остатки обеда, чтобы скормить пришлым солдатам. Рубахин живо откликается — да! да! Солдат разве откажется!.. «А где второй?» И тут запинаящемуся Рубахину приходится тяжело лгать: мол, ему кажется, у стрелка живот скрутило. Подумав, он добавляет чуть более убедительно: «Мается, бедный». — «Может, зелени наелся? яблок?» — спрашивает сердобольно подполковничиха.

Окрошка вкусна, с яйцом, с кусками колбасы; Рубахин так и склонился над первой кастрюлей. При этом он громко бьет ложкой по краям, гремит. Знак.

Вовка-стрелок слышит (и, конечно, понимает) звук стучащей ложки. Но ему не до еды. Молодая женщина в свою очередь слышит (и тоже понимает) доносящееся со двора истеричное мяуканье и вслед вскрик оцарапанного малыша: «Маа-ам!..» Видно, задергал кошку. Но женщина сейчас вся занята чувством: истосковавшаяся по ласке, с радостью и с жадностью она обнимает стрелка, не желая упустить свой случай. Про стрелка и говорить нечего — солдат есть солдат. И тут снова детский капризный крик: «Ма-ааам...»

Женщина срывается с постели — высунув голову в дверь, она цыкнула на малыша; и притворяет дверь плотнее. Босо протопав, возвращается к солдату; и словно вся вспыхивает заново. «Ух, жаркая! Ух, ты даешь!» — восхищен Вовка, а она зажимает ему рот: «Тс-сс...»

Шепотом Вовка излагает ей нехитрый солдатский наказ: просит молодую женщину сходить в селпо и купить там дрянного их портвейна, солдату в форме не продадут, а ей это пустяк...

Он делится с ней и главной заботой: им бы сейчас не бутылку — им бы ящик портвейна.

— Зачем вам?

— В уплату. Дорогу нам заперли.

— А че ж вы, если портвейн нужен, к подполковнику пришли?

— Дураки, вот и пришли.

Молодая женщина вдруг плачет — рассказывает, что недавно она сбилась с дороги и ее изнасиловали. Вовка-стрелок, удивленный, присвистывает: вот ведь как!.. Посочувствовав, он спрашивает (с любопытством), сколько же их было? — их было четверо, она всхлипывает, утирая глаза уголком простыни. Ему хочется порасспросить. Но ей хочется помолчать. Она утыкается головой, ртом ему в грудь: хочется слов утешения; простое чувство.

Разговаривают: да, бутылку портвейна она, конечно, купит ему, но только если стрелок пойдет с ней к магазину. Она сразу же купленную бутылку ему передаст. Не может она с бутылкой идти домой... после того что с ней случилось, — люди знают, люди что подумают...

Во второй кастрюле тоже много еды: каша и кусок мяса из консервов, — Рубахин все уминает. Он ест небыстро, нежадно. Запивает двумя кружками холодной

воды. От воды его немного знобит, он надевает гимнастерку.

— Отдохнем малость, — говорит он самому себе и уходит к плетню.

Он прилег: впадает в дрему. А из соседнего домика, куда скрылся Вовка, через открытое окно доносится тихий сговор.

Вовка: — ...тебе подарок куплю. Косынку красивую. Или шаль тебе разыщу.

Она: — Ты ж уедешь. (Заплакала.)

Вовка: — Так я пришлю, если уеду! Какое тут сомнение!..

Вовка долго упрасивал, чтобы она стоя согнулась. Не слишком высокий Вовка (он этого никогда не скрывал и охотно рассказывал солдатам) любил обхватить крупную женщину сзади. Неужели она не понимает? Так приятно, когда женщина большая... Она отбивалась, отнекивалась. Под их долгий, жаркий шепот (слово уже становились неразличимы) Рубахин уснул.

Возле магазина, едва получив портвейн из ее рук, Вовка сует бутылку в глубокий надежный карман солдатских брюк и — бегом, бегом — к Рубахину, которого он оставил. Молодая женщина так его выручила, и кричит, с некоторой опаской напрягая на улице голос, кричит вслед с упреком, но Вовка машет рукой, уже не до нее — все, все, пора!.. Он бежит узкой улицей. Он бежит меж плетней, срезая путь к дому подполковника Гурова. Есть новость (и какая новость!) — стрелок стоял, озираясь, возле их заплеванного магазинишки (ожидая бутылку) и услышал об этом от проходивших мимо солдат.

Перепрыгнув плетень, он находит спящего Рубахина и толкает его:

— Рубаха, слышь!.. Дело верное: старлей Савкин пойдет сейчас в лес на разоружение.

— А? — Рубахин заспанно смотрит на него.

Вовка сыплет словами. Торопит:

— На разоружение идут. Нам бы с ними. Прихватим чурку — вот бы и отлично! Ты ж сам говорил...

Рубахин уже проснулся. Да, понял. Да. Будет как раз. Да-а, нам, скорее всего, там повезет — надо идти. Солдаты тихо-тихо выбирают из подполковничьей усадьбы. Они осторожно забирают вещмешки, свое оружие, стоявшее у колодца. Они перелезают плетень и уходят чужой калиткой, чтобы те двое, с веранды, их не увидели и не окликнули.

Их не увидели и не окликнули. Сидят.

Жара. Тихо. И Алибеков негромко напевает, голос у него чистый:

Все здесь замерло-ооо до утра-ааа...

Тихо.

— Люди не меняются, Алибек.

— Не меняются, думаешь?

— Только стареют.

— Ха. Как мы с тобой... — Алибеков подливает тонкой струей себе в чашку. Ему уже не хочется торговаться. Грустно. К тому же все слова он сказал, и теперь правильные слова сами (своей неспешной логикой) доберутся до его старого друга Гурова. Можно не говорить вслух. — Вот чай хороший совсем исчез.

— Пусть.

— Чай дорожает. Еда дорожает. А время не меня-яется, — тянет слова Алибеков.

Хозяйка как раз вносит на смену еще два заварных чайника. Чай — это верно. Дорожает. «Но меняется